

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.15>

UDC 94(470.45)“19”:304

LBC 63.3(2P-4Bor)613-7

Submitted: 24.03.2026

Accepted: 27.06.2026

TRANSFER OF THE CENTER OF THE LOWER VOLGA REGION TO STALINGRAD (1932–1933): PREREQUISITES, CONDITIONS, IMPLEMENTATION

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the process of transferring the capital of the Lower Volga region to Stalingrad and the associated organizational and managerial decisions made during the construction of the new regional center (in the context of the socio-political and economic conditions that had developed in Stalingrad by the early 1930s). *Methods and materials.* The research was carried out relying on traditional methods of historical research (historical-comparative, historical-systemic). A significant part of the documentary base consisted of materials from the office documentation of the state and party authorities of the Lower Volga region (state archives of the Volgograd region) and periodicals of the region under consideration. *Analysis.* The study aims to establish the circumstances surrounding the transfer of the Lower Volga region's capital to Stalingrad and the conditions for the organization and development of the new regional capital. *Results.* On the one hand, the transfer gave impetus to large-scale, multi-million-dollar investments (in housing and utilities, industrial, and infrastructure projects), creating an infrastructure base and inertia for subsequent investments and projects after 1933. On the other hand, under extremely tight deadlines and multitasking, along with a lack of a clear understanding within the administrative apparatus of the depth and scope of necessary infrastructure changes, it led to a chaotic construction and management process, the emergence of a significant budget deficit, and exposed bottlenecks in management practices. *Financing.* This article was prepared with financial support from the Russian Ministry of Education and Science as part of project FZUU-2026-0006 “Development of Methods and Algorithms in Historical 3D Reconstruction and Development of Virtual Tour Creation Technologies.”

Key words: Lower Volga region, Stalingrad, relocation of the regional capital, construction, party and state authorities.

Citation. Furman E.L. Transfer of the Center of the Lower Volga Region to Stalingrad (1932–1933): Prerequisites, Conditions, Implementation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 164–176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.15>

УДК 94(470.45)“19”:304

ББК 63.3(2P-4Bor)613-7

Дата поступления статьи: 24.03.2026

Дата принятия статьи: 27.06.2026

ПЕРЕВОД ЦЕНТРА НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ В СТАЛИНГРАД (1932–1933 гг.): ПРЕДПОСЫЛКИ, УСЛОВИЯ, РЕАЛИЗАЦИЯ

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается процесс перевода центра Нижне-Волжского края в Сталинград и связанные с этим организационно-управленческие решения, осуществляемые в ходе строительства нового краевого центра (в разрезе сложившихся в Сталинграде к началу 1930-х гг. социально-полити-

ческих и хозяйственно-экономических условий). *Методы и материалы.* Научная работа осуществлена с опорой на традиционные методы исследования (историко-сравнительный, историко-системный). Значимую часть документальной базы составили материалы делопроизводственной документации государственно-партийных органов власти Нижне-Волжского края (государственных архивов Волгоградской области) и периодических печатных изданий рассматриваемого региона. *Анализ.* Исследование нацелено на установление обстоятельств перевода центра Нижне-Волжского края в Сталинград и функционирования краевого и городского аппарата управления в условиях масштабирования строительных работ. *Результаты.* С одной стороны, перевод дал толчок к масштабным многомиллионным инвестициям (в жилищно-коммунальные, промышленные, инфраструктурные проекты), сформировав инфраструктурную базу и инерцию для последующих инвестиций и проектов уже после 1933 года. С другой стороны, в условиях крайне сжатых сроков и многозадачности, отсутствия в аппарате управления четкого понимания глубины и объема необходимых инфраструктурных изменений, привел к хаотизации процесса строительства и управления, появлению ощутимого бюджетного дефицита, выявил «узкие» места в управленческих практиках. *Финансирование.* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта FZUU-2026-0006 «Развитие методов и алгоритмов в области исторической 3D реконструкции и разработки технологий создания виртуальных экскурсий».

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, Сталинград, перевод краевого центра, строительство, партийно-государственные органы власти.

Цитирование. Фурман Е. Л. Перевод центра Нижне-Волжского края в Сталинград (1932–1933 гг.): предпосылки, условия, реализация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 164–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.15>

Введение. Вслед за восстановительным этапом 1920-х гг., когда все усилия были направлены на восстановление хозяйственного комплекса, разрушенного в ходе Гражданской войны, в период модернизации Сталинград трансформировался в промышленный центр Нижнего Поволжья – один из 12 советских соцгородов. Изменение роли города, масштабность запущенных к строительству и модернизация существующих крупнейших промышленных объектов потребовали приближения управленческого звена к центру глобальной промышленной стройки Нижнего Поволжья. В статье предпринимается попытка выяснить предпосылки, условия и ход переноса центра Нижне-Волжского края в Сталинград, определить спектр стоявших перед краевыми и городскими органами власти задач и механизмы их реализации.

Историография. В научной литературе проблема перевода центра Нижне-Волжского края в Сталинград в 1932 г. рассматривалась преимущественно в рамках исследований по истории архитектурной мысли и практики воплощения плана реконструкции Сталинграда начала 1930-х гг. в работах П.П. Олейникова [6; 7; 21], Ю.В. Янушкиной [4], в контексте политической борьбы между разными группами партийно-государственных органов власти Нижне-Волжского края в работе

Н.В. Саранцева и А.А. Ракитина [22]. Между тем самостоятельные исследования, которые раскрывали бы этапы перевода краевого центра в Сталинград, особенности краевого строительства в контексте социально-экономических условий, сложившихся в Сталинграде в начале 1930-х гг., на сегодняшнем этапе отсутствуют.

Методы и материалы. Научная работа состоялась с опорой на традиционные методы исследования – историко-сравнительный, историко-системный. В процессе работы привлекались источники, сосредоточенные в Государственном архиве Волгоградской области, в фонде Нижне-Волжского крайисполкома (Ф. Р-313), Сталинградского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-71), Центре документации новейшей истории Волгоградской области, в фонде Сталинградского городского комитета ВКП(б) (Ф. 71). Основу документов составили материалы делопроизводственной документации органов партийно-государственной власти региона, а также материалы периодической печати.

Анализ. За годы первой пятилетки крупнейшие города Нижнего Поволжья стали средоточием промышленного строительства. Валовой объем промышленной продукции, произведенной в крае в 1931 г., в ценовом вы-

ражении составил 600 млн руб., что было больше, чем в 1930 г. на 64 % [14, Jan. 12, 1932, № 10 (1120)]. Устойчивый рост демонстрировал и сельскохозяйственный сектор – в 1931 г. посевная достигла 9 298 500 га (рост на 29 % по сравнению с 1929 г.) [14, Jan. 12, 1932, № 10 (1120)], завершался процесс коллективизации крестьянских хозяйств (87,6 %). По производству качественных сталей Нижне-Волжский край, и в первую очередь Сталинград, вышел на лидирующие позиции в стране – в 1931 г. на край приходилось $\frac{1}{6}$ всей стали, производимой в СССР [14, Jan. 14, 1932, № 11 (1121)].

Рост промышленного сектора в Сталинграде (Сталинградский тракторный завод (СТЗ), в южной части города – СталГРЭС, Судоверфь, модернизированные «Красный Октябрь», «Баррикады») привел к стремительному увеличению численности рабочих, в первую очередь в радиусе строительства флагманов первой пятилетки (в районе СТЗ с 1929 г. к 1931 г. с 3 600 до 25 800 чел.) [3, p. 161].

В сложившихся условиях трансформации Сталинграда в промышленный центр Нижнего Поволжья, в «образцовый социалистический город» (один из 12 советских соцгородов), ставился вопрос о целесообразности дальнейшего отрыва краевого руководства от основного промышленного центра. В новых условиях Саратов мыслился, в большей мере, как академический центр. Новый импульс развитию прежнего краевого центра должно было придать строительство Саратово-Миллеровской железной дороги для связи города с восточными регионами страны [14, Jan. 14, 1932, № 11 (1121)].

За обретение Сталинградом роли столицы Нижнего Поволжья еще в период формирования Нижне-Волжской области (позже края) активно выступали лидеры партийно-государственных органов власти Сталинграда (секретарь губкома ВКП(б) В.В. Птуха и председатель губисполкома М.Ф. Болдырев). Тогда данную идею по ряду причин реализовать не удалось. По мнению исследователя Н.В. Саранцева, уже будучи лидером краевой партийной организации, В.В. Птуха во многом поспособствовал принятию решения о переносе столицы Нижне-Волжского края в Сталинград [22, pp. 142-143, 200-204]. Этот вопрос обсуждался на третьем пленуме Нижне-

Волжского крайисполкома. Решение крайисполкома о переносе краевого центра из Саратова в Сталинград было принято 7 января 1932 г., с соответствующим представлением президиум Нижне-Волжского крайисполкома обратился во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК РСФСР) и 10 января 1932 г. была получена телеграмма – президиум ВЦИК утвердил принятое краевыми органами власти решение [14, Jan. 14, 1932, № 11 (1121); 17, l. 258].

13 февраля 1932 г. начала свою работу комиссия по переводу краевого центра из Саратова в Сталинград (в составе председателей двух горсоветов, членов президиума Нижне-Волжского крайисполкома). Постановления комиссии под руководством Евгения Эдуардовича Фрешера, секретаря Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), являлись обязательными для исполнения краевыми и городскими организациями [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)]. Далее будет сформирована городская строительная комиссия в составе партийно-советского руководства города и общественных организаций для контроля и дальнейшей координации строительных работ в новом краевом центре [19, l. 63-65 г.].

Проблема трансформации Сталинграда в краевой центр, в образцовый социалистический город Нижнего Поволжья, предполагала изменение внешнего облика города, его системную перестройку и осложнялась тем, что системного планирования и проектной застройки до начала 1930-х гг. город не знал, строительство ранее осуществлялось зачастую хаотично. В разных частях растущего Сталинграда регулярно появлялись самовольные застройки, искажавшие облик города [9, l. 294]. Не решенной оставалась проблема жилищного строительства – по мере роста городского населения «душевая» норма системно снижалась, достигая в рабочих густонаселенных районах 2,5–3,5 кв. м на человека (в 1931 г. в районе Металлогорода) [20, l. 78, 101 г. – 102], остро проявлялась проблема водоснабжения – прокладка единой системы водопровода для города, растянувшегося вдоль Волги на десятки километров, становилась слишком дорогим проектом. В 1931 г. в отдельных районах города (в первую очередь рабочих) на человека приходилось не более

9 л воды в сутки, при санитарной норме в 60–80 л [20, л. 79, 250].

Новому краевому центру Нижнего Поволжья требовалось расширение транспортной сети (наибольшую нагрузку испытывали трамвайные линии). Из общей площади городских улиц (11 млн кв. м) в 1930 г. было замощено только 5 %, проложено тротуаров – 4,9 %, имеющиеся мостовые были изношены на 50 % [20, л. 104]. Не решенной оставалась проблема электрификации города, сеть канализационных труб была построена еще до революции и охватывала только центральную часть города, на окраинах и включенных в черту города районах канализация отсутствовала полностью, город испытывал катастрофический дефицит зеленых насаждений [20, л. 79 г.].

Между тем реализация запланированного грандиозного строительства (в рамках концепции Л.М. Сабсовича, Н.А. Милютина [4, р. 67], положенной в основу плана реконструкции Сталинграда 1930 г. (разработка Гипрогора)) столкнулась с целым рядом проблем.

Сталинградский краевой институт по планировке городов и населенных мест (далее – крайпрогор), по соглашению со сталинградским горсоветом взявший на себя обязательство по производству всех работ «по размещению краевого центра и соответствующего жилищного и культурно-бытового строительства в городе», должен был предоставить горсовету к 1 марта 1932 г. основные «показатели к детальной планировке и застройке Сталинграда в границах “старого города” и проект госзадания на полный объем работ» [5, л. 10]. В итоге из-за недостатка квалифицированных кадров и крайне сжатых сроков крайпрогор сконцентрировался на проектах надстроек к существующим зданиям. Надстройка зданий, имевших соответствующие конструктивные характеристики, на один или два этажа, рассматривалась в качестве одного из вариантов быстрого ввода в эксплуатацию административного и жилищного фонда в городе. К надстройкам были запланированы здания в так называемой административной (центральной) части города и в Зацарицынской (современный Ворошиловский район г. Волгограда).

В первую очередь должен был надстраиваться 2-й Дом советов на два этажа (учеб-

ная часть авиашколы, прилежавшей к Площади павших борцов революции) и бывший дом Сталинградстроя [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)]. Площадь запланированных в центральной части города надстроек составляла 15 тыс. кв. м [14, Mar. 6, 1932, № 55 (1165)]. На площади Павших борцов революции под снос шел квартал домов по ул. Гоголевской (напротив гостиницы «Люкс»), где строилось здание 2-й гостиницы («Большая Сталинградская») [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)]. К числу ударных объектов были отнесены дом краевого финансового управления (далее – крайфу), дом Госбанка по ул. Волгодонской, торговый корпус № 9, а также надстройка 2-го Дома советов и шесть надстраиваемых домов в Зацарицынской части Сталинграда. Работы планировалось завершить к 25 июля 1932 г. [14, Mar. 1, 1932, № 51 (1161)].

В соответствии с планом, разработанным привлеченными к проектированию города ленинградскими архитекторами, центр тяжести краевого строительства должен был быть смещен в район площади 9 января (площадь им. В.И. Ленина), где было запланировано строительство, кроме ряда крупных жилых домов, Дома промышленности, здания Госбанка, двух домов крайисполкома, домов Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ), краевого земельного управления (далее – крайзу), краевого союза потребительских союзов (из двух корпусов, жилого и административного по проекту арх. В. Кочадамова, проект остался не реализован, в 1938 г. было построено здание облпотребсоюза, ныне известное как Дом сержанта Павлова) [14, Apr. 2, 1932, № 77 (1187); 18, л. 71 г.; 21, р. 39]. Но ключевым архитектурным объектом на этом участке должен был стать гигантский Дом советов, где планировалось разместить все отделы крайисполкома. Дом по проекту должен был иметь спуск на набережную Волги и 8 этажей только в средней части здания (проектные затраты на строительство большого Дома советов / Дворца советов составляли 4 млн руб.). Проект так и не был реализован, был вырыт котлован и работы остановлены [13, л. 7; 14, Oct. 20, 1933, № 242 (1653)].

Прежде чем дать старт строительным работам, все переезжающие организации дол-

жны были заключать договоры: со сталинградским горсоветом – на площади для строительства или надстроек, с крайпрогором на проекты надстроек, со 2-м стройтрестом, проводившим основные строительные работы в городе, на осуществление строительных работ, с поставщиками – на стройматериалы [14, March 6, 1932, № 55 (1165)]. Однако к началу марта 1932 г. не было заключено ни одного договора с заказчиками строительства, представители застройщиков не выехали в Ленинград для заключения договоров с ленинградскими архитекторами. Краевой союз профессиональных союзов (далее – КСПС) был единственной организацией, которая на начало марта 1932 г. заключила договор на строительство Дворца труда.

В краевой «Поволжской правде» по этому поводу отмечалось: «Многие думают, что весь переезд заключается в том, чтобы упаковать дела учреждений и на завтра начать работать в другом городе. Чтобы не допустить перебоев в работе краевых организаций, Сталинград должен подготовиться к приему их. Сталинград, в прошлом уездный купеческий городишко Царицын, должен быть превращен и превращается в образцовый социалистический город» [14, Apr. 17, 1932, № 90 (1210)].

Размещение краевых работников предполагалось в первую очередь на территории «старого города», в результате те дома, которые попадали под категорию домов «краевого назначения», подлежали скорейшему расселению, «хибары», оказавшиеся в зоне застройки в связи с переносом краевого центра, также попадали под снос. Всеми работами по расселению жильцов из квартир «краевого назначения» и изысканию жилплощади для краевых сотрудников и жильцов расселяемых домов занимался сталинградский городской отдел коммунального хозяйства (далее – горко) с опорой на отделы горсовета, райсоветы, жилищную тройку (в составе руководителя горко, сотрудников контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции (горКК-РКИ), прокуратуры и городской профсоюзной организации, решения которой приравнивались к постановлениям горкома партии и президиума горсовета) [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)].

По плану горко для краевых работников и переселяемых жильцов требовалось

1 500 комнат (на первом этапе), из которых 400 необходимо было предоставить краевым учреждениям к 1 апреля 1932 г. [18, l. 71 г.], 400 комнат сталинградский горсовет выделял переезжающим краевым работникам из освобожденных под переселение домов и 700 комнат к середине мая 1932 г. должна была дать надстройка домов [14, Mar. 1, 1932, № 51 (1161)].

Учреждения и небольшие предприятия межрайонного значения, напрямую не связанные с городом по характеру своей деятельности, в ускоренном темпе выселялись в Дубовку или на территорию бывшего Красноармейского района (Постановлением ВЦИК РСФСР от 20.10.1931 г. район ликвидировался с разделением его территорий между смежными Ленинским, Котельниковским, Сталинградским районами и Калмообластью) [10].

Всем заводоуправлениям, руководителям советских и хозяйственных организаций не позднее 25 марта 1932 г. следовало освободить и передать в распоряжение горко намеченную по плану расселения жилплощадь за счет «более жесткого уплотнения учреждений». Руководству СТЗ, «Красного Октября», «Баррикад», Судверфи, СталГРЭСа, Энергостроя и других заводов и предприятий, а также председателям райсоветов в декадный срок предписывалось предоставить квартиры тем рабочим, которые занимали жилплощадь в жилищно-арендных кооперативных товариществах (далее – ЖАКТах) и домах жилищного треста Сталинграда (далее – Жилтрест) в районах «старого города» [18, l. 71 г.; 21, p. 39].

В качестве компенсации для ЖАКТов и домовладельцев, лишившихся жилья, планировалось строительство 20 двухэтажных каркасных деревянных домов на 640 комнат (9 000 кв. м) [18, l. 71 г.]. Рабочие и специалисты предприятий, проживавшие в центре города, должны были переселяться непосредственно к месту работы [18, l. 203]. В процессе ускоренного уплотнения и выселения жителей было допущено значительное количество нарушений. Так, на отдельные семьи из 3–5 человек предоставлялись комнаты 6–10 кв. м, в полуподвальных сырых помещениях, сараях и летних кухнях, на одну семью могли предоставить две комнаты, но расположенные в разных домах. Тем не менее из

77 жалоб, поданных от жильцов, только 24 были удовлетворены [18, л. 167-167 г.].

На исходе первой декады апреля 1932 г. в рамках краевого строительства было выполнено только 2 % от общего объема капиталовложений (36 % строительной программы 2-го стройтреста) [18, л. 146 г. – 147]. К 20 апреля у 2-го стройтреста была только общая схема расположения участков и план ответственного участка первого квартала краевого центра, включавший улицы Ташкентскую, Пермскую, Казанскую (так называемые Балканы – современная центральная часть города от пл. Ленина до ул. Бакинской) и участок № 4 по улицам Республики, Пензенской, Нижегородской и Киевской, где планировалось строить три дома по 12 тыс. куб. м [14, Арг. 17, 1932, № 90 (1210)].

Между тем новый краевой центр должен был принять и разместить почти 200 краевых учреждений и около 4 тыс. краевых работников (первая партия), не считая членов семей, но фактически к приезду краевых учреждений строительные организации только заканчивали ремонт бывшего Дворца труда (усилиями управления коммунального строительства), помещения школы летчиков и Сталинградодежды, «образцового общежития работников краевых организаций» [1, July 2, № 151 (4328)].

В условиях фактического срыва сроков ввода в строй новых зданий и надстроек к уже существовавшим, затруднений по линии уплотнения жилфонда сталинградский горком ВКП(б) поставил вопрос о пересмотре решения Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) о переводе краевого центра во второй половине мая 1932 года. Наиболее реальным сроком для перевода краевого центра (учитывая выполнение планов строительства) назывался октябрь – ноябрь 1932 г. [18, л. 32 г. – 33]. В итоге переезд крайцентра был сдвинут, но несущественно, что кардинальным образом не меняло ситуацию. Несмотря на целый комплекс нерешенных проблем, часть организаций и сотрудников должны были переехать в Сталинград к середине мая 1932 г., другая – в первой-второй декаде июля и основной корпус ключевых учреждений 15 июля 1932 года.

Одними из первых в Сталинград прибыли сотрудники организаций, обеспечивавших

краевое строительство – крайпрогора, краевого коммунального банка (далее – крайкомбанк), краевого коммунального управления, краевого союза жилищной кооперации. 30 июня из Саратова в Сталинград по Волге отправлялись работники краевого отдела здравоохранения. В этот же день городской отдел здравоохранения (далее – горздрав), лечебные учреждения Сталинграда и прибывшие ранее сотрудники крайздрава (далее – крайздрав) вышли на субботник по уборке помещений для размещения прибывающих. 2 июля 1932 г. была организована торжественная встреча приезжающих [1, July 2, № 151 (4328)]. В ночь на 7 июля 1932 г. в город прибывало краевое управление милиции и крайпрокуратура (сотрудников разместили в развернутом в Зацарицынской части Сталинграда общежитии на 40 чел., также было выделено 7 номеров в гостинице «Москва», три квартиры в горотделе милиции) [1, July 8, № 156 (4333)]. 9 июля в Сталинград на пароходе «Повелитель бурь» прибыло крайзу [1, July 10, № 158 (4335)].

14 июля 1932 г. в Сталинград отправились 62 сотрудника Нижне-Волжского крайисполкома (без членов президиума), 85 сотрудников крайкома ВКП(б) (без членов бюро), от крайкома ВЛКСМ – 28 чел., 16 июля выехали сотрудники краевой контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции (далее – КК-РКИ) – 64 чел., 18 июля – работники краевой плановой комиссии (далее – крайплан) и управления народно-хозяйственного учета – 132 чел. [26, л. 10].

Переезд краевого центра в Сталинград с воодушевлением описывался на страницах краевого издания «Поволжская правда»: «Вчера (15 июля 1932 г.) на пароходе “Николай Янсон” в Сталинград прибыли крайком ВКП(б) и крайисполком. Начиная с четырех часов вечера вверх по Волге вышли пароходы и баркасы с рабочими делегациями Тракторного, “Красного Октября”, водников и др. <...> На борту “Николая Янсона” на красной ленте четко выведен лозунг: “Городу Сталина, промышленному центру края – большевистский привет”. Вся набережная заполнена делегациями рабочих фабрик и заводов...» [14, July 16, 1932, № 163 (1273)].

Вечером этого же дня в городском театре состоялся торжественный пленум гор-

совета. На пленуме выступали представители партийно-государственных органов власти краевого уровня (председатель крайисполкома Н.К. Козлов, секретарь краевого комитета ВКП(б) В.В. Птуха и др.), открывал заседание председатель сталинградского горсовета А.Я. Гринштейн.

Наибольшее внимание уделялось отправке документации краевых учреждений. В особом режиме перемещалась секретная, особо секретная и мобилизационная делопроизводственная документация – исключительно через отдел связи полномочного представительства ОГПУ. Часть документов спецчастей организаций, не подлежащих длительному хранению, уничтожалась особой комиссией при участии представителя спецотдела ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю [16, л. 89-90].

Согласно плану, разработанному в июне 1932 г. краевой комиссией по переводу краевого центра совместно с партийно-государственными организациями Сталинграда, организации «первого уровня» (президиум Нижне-Волжского крайисполкома, крайком ВКП(б), крайком ВЛКСМ, крайком РКК, крайплан) следовало разместить в здании бывшей учебной части авиашколы. Отдельно размещалось на ул. Ленинской, 12 краевое управление прокуратуры, крайсуду было запланировано выделить помещения фабрично-заводского училища текстильной промышленности с обязательством организации общежития для сотрудников на 20–30 коек (в противном случае помещение могло быть изъято). Самым приемлемым вариантом размещения краевых учреждений, в условиях отсутствия свободных площадей, стало их объединение с родственными профильными городскими организациями, например, аппарат ОГПУ размещали в 30-м квартале в помещении сталинградского оперативного сектора, краевое финансовое управление совместно с городским финансовым отделом Сталинграда, крайоно с городским отделом народного образования, крайздрав совместно со сталинградским горздравом и т. д. [18, л. 228 г. – 229; 14, June 18, 1932, № 140 (1250)].

Также под общежития краевых управлений передавались студенческие общежития и учебные корпуса училищ и вузов Сталингра-

да, номера в гостиницах города («Россия», «Турист», «Москва») [18, л. 228 г. – 229; 14, June 18, 1932, № 140 (1250)]. С целью изыскания пригодной для размещения краевых организаций площади в мае 1932 г. в горсовет был представлен список учебных заведений Сталинграда (в списке, среди прочих учебных заведений (21), значились детдома, детские изоляторы). Интерес в первую очередь представляли организации, находившиеся в «старой» части города, обладавшие наибольшим фондом «пригодной» площади [25, л. 13].

Так, например, из Сталинграда в Дубовку была перемещена совпартшкола, в связи с переводом в краевой центр филиала института красной профессуры. В итоге значительная часть студентов перестала посещать занятия, что привело к отсеву и угрозе срыва плана приема на новый учебный год [18, л. 178 г., 263 г.].

Выселение учебных заведений из своих учебных корпусов и общежитий вызвало ожидаемый ажиотаж, высказывали свое несогласие с проводимым перемещением в ходе учебного процесса и шефские организации. Так, в ответ на решение о выселении к 1 мая 1932 г. из своего помещения сталинградского энергохимтехникума (в помещении, расположенное на ул. Октябрьской, 26, вселялся крайснаботдел) наркомат тяжелой промышленности (далее – наркомтяжпром) высказал свое категорическое несогласие с принятым сталинградским горсоветом решением: «выселение без предоставления помещения равносильно ликвидации» [8, л. 25-25 г.]. На строительство нового здания на территории химкомбината Сталинграда наркомтяжпромом уже было выделено более 300 тыс. руб., но здание планировалось построить только к концу 1932 г. [8, л. 23].

Между тем не все организации при распределении жилищного фонда и рабочих помещений оказались в равных условиях. В первую очередь жильем обеспечивались работники крайисполкома, крайкома, сотрудники организаций, имевших ключевую роль в проводимых хозяйственно-экономических и социально-политических кампаниях (крайфу, крайснаб). В самом уязвимом положении оказались сотрудники крайоно. Год спустя после перевода краевого центра профессора из Москвы, Ле-

нинграда продолжали «проживать в отделе, где и работали, к столовой не были приписаны» [13, л. 120]. Значительная часть сотрудников, несмотря на неоднократно принимавшиеся на уровне краевых и городских органов власти решения, так и не получили жилья. При этом предложение переселить отдел, работавший в здании школы, в помещение бывшей сапожной мастерской (80 кв. м) на окраине города, воспринималось руководством отдела, как «издевательство» [2, л. 38–46]. Да и сам факт размещения крайоно в помещении школы также грозил санкциями со стороны КК-РКИ, так как школьные здания, согласно правительственному постановлению, должны были использоваться исключительно «под нужды школьно-воспитательной работы» [12].

При этом попытки отдельных предприятий, располагавших свободными средствами, покупать жилье, как в случае с отделением Союзпушнина, сотрудники которого попытались приобрести квартиру за 800 руб., критиковались, как создающие ажиотаж в жилищной сфере [14, July 11, 1933, № 158 (1569)]. Прецедентом, фактически узаконившим практику приобретения жилых домов или квартир организациями для своих сотрудников, стало разрешение на приобретение крайсуду у Госбанка одного восьмиквартирного стандартного дома (строившегося за счет средств Госбанка для своих работников). Шесть квартир планировалось выделить крайсуду и две крайпрокуратуре. Но возможным данный способ стал уже после того, как жилищная проблема сотрудников крайсуда в 1933 г. была озвучена на уровне председателя Верховного суда РСФСР [14, July 15, 1932, № 162 (1272); 13, л. 133 г.].

Последующие, как правило, принимавшиеся на уровне краевых органов власти с многочисленными оговорками (в «виде исключения», «секретно» и т. д.), санкции на приобретение жилплощади для особо дефицитных сотрудников организаций так не смогут в тотально дефицитной жилищной сфере снизить остроту проблемы [13, л. 142, 147, 148]. Уже через год после переезда краевого центра в Сталинград на страницах краевой печати можно было увидеть объявление следующего содержания (апрель 1933 г.): «Нижне-Волжская край-

страхкасса в центре города строит 48-квартирный жилой дом, нуждающиеся в жилых квартирах краевые и городские организации могут принять деловое участие в строительстве. Об условиях можно узнать в крайстрахкассе на ул. Гоголевской, д. 6» [14, Apr. 28, 1933, № 98 (1509)].

Кроме решения жилищного вопроса в ускоренном режиме необходимо было решить и проблему организации общественного питания для сотрудников переезжающих учреждений. До 1 июля 1932 г. горобщепиту Сталинграда следовало обустроить помещение, которое ранее находилось в распоряжении районного потребительского общества, для организации «культурной кафе-закусочной». Помещение, располагавшееся под Домом Советов, до 16 июня освобождалось под распределитель краевого актива [18, л. 228 г. – 229; 14, June 18, 1932, № 140 (1250)].

Актуальной проблемой являлся и вопрос организации отдыха крайпартактива. Новому краевому центру требовался статусный дом отдыха, где могли бы с комфортом отдыхать переехавшие в Сталинград советские и партийные работники. В результате одним из спецобъектов краевого строительства стал дом отдыха крайпартактива в «Латошинском саду». Открыть обустроенный дом отдыха (с собственной пристанью) планировалось к 1 июня 1933 года. Территория будущего дома отдыха «освобождалась» от посторонних построек – лагерей отдыха, школы летчиков (для них подыскивалось новое место в окрестностях Сталинграда). Вследствие важности вопроса непосредственный контроль за строительством был возложен на полномочное представительство ОГПУ (ПП ОГПУ) по Нижне-Волжскому краю (охрану территории дома отдыха также должны были осуществлять сотрудники ОГПУ, включая коменданта, а также сотрудника политуправления) [13, л. 64–64 г.]. Дом отдыха был рассчитан на «крайне ограниченный круг лиц»: члены бюро крайкома ВКП(б), отдельные работники крайисполкома (часть президиума, предположительно, партийная фракция), аппарат правления КСПС и руководство ОГПУ.

Обретение Сталинградом нового статуса краевого центра потребовало скорейшего разрешения давно назревшей проблемы орга-

низации стабильной радио-, телефонной и телеграфной связи центра с районами и городами края. В 1932 г. планировалось установить в Сталинграде не менее 13 тыс. радиоточек, уделяя особое внимание радиофикации крупнейших промышленных районов города [18, л. 32 г. – 33]. 10 мая 1932 г. было заявлено о пуске сталинградской телефонной станции (АТС), но спустя два месяца к приезду основной массы краевых работников телефонная станция практически не работала. В штате АТС не хватало квалифицированных работников, выявилось много недоделок. Отсутствовал телефонный справочник с актуальными номерами. На момент переезда краевых работников связь с предприятиями города отсутствовала, не было связи с экстренными службами [14, July 15, 1932, № 162 (1272)]. К концу лета 1932 г. фактически не были известны ни точные адреса, ни телефоны переехавших в Сталинград краевых учреждений, что не могло не влиять на оперативность принимаемых решений и в целом систему управления в городе и крае [14, Aug. 2, 1932, № 177 (1287); Aug. 22, 1932, № 194 (1304)].

Масштабная строительная кампания, несмотря на инвестиции Центра, очевидно стала большим испытанием для краевого бюджета. В итоге на 1933 г. перешла задолженность в размере 11 200 000 руб., при этом только по 2-му стройтресту объем капиталовложений в строительство на 1933 г. составлял 10 371 000 рублей. В условиях, когда темпы развернутого жилищно-коммунального строительства не должны были снижаться, под сокращение попадали социальные расходы, включая один из наиболее болезненных вопросов – борьбу с детской беспризорностью [27].

Одновременный запуск сразу десятков краевых объектов (заморозка отдельных), перманентные проблемы со строительными материалами, транспортом, обеспечением продовольствием и жильем рабочих и инженерно-технического персонала основных строительных предприятий – далеко не полный круг вопросов, возникших в условиях масштабного краевого строительства. Так, системные проблемы с продовольствием, тяжелые бытовые условия рабочих и ИТР приводили к высочайшему уровню ротации. На исходе

лета 1933 г. на основных строительных объектах Сталинграда имелось рабочих строителей от 25 до 60 % от требуемого контингента [14, Sept. 1, 1933, № 201 (1602); 20, л. 74 г.]. Самый высокий уровень ротации отмечался среди рабочих транспортного отдела 2-го стройтреста (до 70 %), где в бараках процветало пьянство, игра в карты, воровство: «Пьянство среди рабочих 2-го стройтреста, прорабов – это главный бич на строительстве крайцентра» [13, л. 14]. В системе краевого управления дорожного строительства (крайдорстрой) рабочие, строившие одну из главных транспортных магистралей в городе (Центр – СТЗ), по несколько месяцев не получали зарплату (50 руб.), некоторые вынуждены были продавать личные вещи и на вырученные деньги покупать продукты [1, Aug. 2, 1932, № 177 (4354)].

Между тем затруднения в решении продовольственной проблемы на стройках краевого центра являлись лишь частным проявлением острого продовольственного кризиса 1932–1933 гг., требовавшего системных мероприятий. Так, из сводок полномочного представительства ОГПУ по Нижне-Волжскому краю следовало, что за несколько весенних месяцев (март – май) 1933 г. массовый характер приобрели факты опуханий: «значительно возросло число случаев смерти на почве истощения и голода», особенно в крупных городах – Сталинграде, Саратове. В связи с проведением ряда мероприятий по очистке основных промышленных предприятий от «кулацких и социально-чуждых элементов» на улицах городов края наблюдалось большое количество бродячего, нищенствующего элемента («базарные площади Сталинграда, Саратова, Астрахани заполнены им»). В Саратове за период с января по апрель на улицах было найдено 211 трупов, в Сталинграде – 181 [15, л. 98-99].

В этом смысле наибольший запас прочности имели приоритетно финансируемые крупные промышленные предприятия Сталинграда. В бедственном положении оказались рабочие мелких промышленных предприятий и мастерских, рабочие строители, находившиеся вне системы централизованного снабжения. Среди попавших под сокращение строителей на «Красном Октябре»

было зафиксировано свыше 20 случаев опухания [15, л. 98-99]. На этом фоне менялась и криминогенная обстановка в городе. Отмечался как общий рост мелких краж продуктов питания, так и крупных вооруженных бандитских налетов на продовольственные склады. Осложняли криминальную обстановку в городе и бежавшие в крупные города в процессе нажима на «классово чуждые элементы» в деревне зажиточные и кулаки. Всего по Сталинграду во время рейдов было изъято с улиц только в апреле 1932 г. 1 000 человек. Наибольшее число кулаков было обнаружено на СТЗ, Электролесе, аэродроме [24, л. 203-203 г.]. Места заключения в системе краевого управления исправительно-трудовых учреждений (КУИТУ) повсеместно были переполнены [13, л. 128-128 г.].

В Сталинграде в первом из городов Нижне-Волжского края стартовала кампания по выдаче паспортов. Сталинград был отнесен к числу 26 советских городов – «крупнейших пролетарских промышленных центров», где должен был быть установлен особый паспортный режим [14, Aug. 14, 1933, № 186 (1597)]. Выдача паспортов и прописка граждан должны были осуществляться в городе с 1 марта по 15 мая 1933 года. В новых условиях паспортизация рассматривалась, как возможность очистить краевой центр от чуждых элементов. К процессу привлекались старые кадры чекистов, были организованы пункты выдачи паспортов [19, л. 77].

Проблема организации досуга в новом краевом центре также оказалась одной из самых острых. В саду им. К. Маркса ночью и вечером из-за хулиганов было небезопасно, в саду около городского театра были разбиты клумбы, но не было еще ни одной скамейки [14, July 20, 1932, № 166 (1276)]. По сути, единственным местом отдыха в центральной части города был народный сад, где из развлечений стоял кегельбан и аттракцион «Ловля рыбок», организованную в кафе сада «читальню» пришлось закрыть из-за отсутствия работника, духовой оркестр играл лишь изредка. Вечером сад, освещенный фрагментарно (проблемы с электроснабжением в разных районах города так до конца и не удалось решить), оказывался во власти хулиганов [1, July 2, 1932, № 151 (4328)]. Открытым оставался вопрос

организации так называемых баз шестого дня отдыха (турбазы, места отдыха за р. Волгой), которые организовывались с начала 1930-х гг. практически во всех крупнейших промышленных центрах СССР.

К строительству запроектированного парка культуры и отдыха на площади 400 га в конце 1933 г. так и не приступили (бригада московских архитекторов под руководством арх. М.П. Коржева, проектное финансирование 10 млн руб.). Проекты по сооружению парков в центральной части города, на территории Металлогорода были закончены только на 70 % [14, Dec. 4, 1933, № 278 (1689)].

Между тем, несмотря на очевидные трудности в рамках краевого строительства, организации оптимального функционирования краевых и городских органов власти в новых условиях, в Сталинграде забурилась общественная жизнь. С начала марта 1933 г. Сталинград встречал делегатов краевого съезда колхозников-ударников, который открыл свою деятельность 7 марта приветствием рабочих города. Из разных районов края в Сталинград прибыло около 100 делегатов, которых разместили в клубе им. Воровского, Доме туристов, Доме колхозника [14, Febr. 20, 1933, № 42 (1152); Febr. 24, 1933, № 46 (1457)].

16 июля 1933 г. Сталинград посетил видный представитель международного коммунистического движения, член исполкома Коминтерна Пьер Семар [14, July 16, 1933, № 162 (1573)], 9 августа – писатель А.С. Серафимович [14, Aug. 11, 1933, № 184 (1595)], также в августе 1933 г. стартовала краевая детская спартакиада [14, Aug. 11, 1933, № 184 (1595)]. Открыл свои двери для зрителей краевой драматический театр, первым спектаклем которого стала постановка пьесы Л. Славина театра им. Вахтангова «Интервенция» [14, Sept. 20, 1933, № 217 (1628); Nov. 14, 1933, № 261 (1672)].

Тем временем, по сводкам ОГПУ, и через полгода после перевода краевого центра в Сталинград вопрос целесообразности данного мероприятия продолжал бередить общественность. Часть населения, приехавшего строить новый краевой центр, с воодушевлением включилась в созидательный процесс, но другая часть восприняла данное событие весьма негативно. В этом смысле репрезен-

тативно выглядит высказывание представителя творческой интеллигенции (нередко фрондерствующей): «Забросили нас в этот Сталинград, это и не город, а так, грязная деревня» (художник Зубов), «вот сидим мы в этой дыре, где нет даже приличного ресторана» (писатель Голубев), «идея перевода краевого центра принадлежит крайкому. Умнее ничего не придумали. Говорят, за эту идею попало и Птухе и еще кое-кому. И за дело. Я слышал в партийных кругах обсуждают вопрос о переводе краевого центра обратно в Саратов. Ведь в самом деле, кто будет в Сталинграде жить. Дураков нет. Я думаю, что к зиме все работники уедут обратно в Саратов...» [23, л. 24, 26].

Через несколько лет после старта краевого и областного строительства, как первого этапа крупнейшей административной реформы в СССР, начался процесс разукрупнения сформированных в 1920-х гг. административно-территориальных единиц. Созданные в процессе реформы края и области оказались слишком громоздкими, плохо управляемыми, хозяйственно-экономическая целесообразность в их дальнейшем существовании представлялась высшему руководству весьма спорной. В январе 1934 г. было принято постановление ВЦИК РСФСР «О разделении Нижне-Волжского края на Саратовский край с центром в г. Саратов и Сталинградский край с центром в г. Сталинград (в состав Сталинградского края были включены территории бывших округов – Астраханского, Камышинского, Сталинградского и Хоперского, а также Калмыцкая автономная область (с октября 1935 г. АССР)» [11].

В жилищное строительство Сталинграда за три года (1931–1933 гг.) было вложено 47 млн руб., в коммунальное – более 23 млн руб. [14, Jan. 11, 1934, № 10 (1721)]. На 1934 г. план капиталовложений по жилищно-коммунальному хозяйству составлял 73 млн руб., из которых 41 млн должен был направляться на жилищное строительство, более 22 млн руб. – на коммунальное. В планах в Сталинградском крае было строительство Волго-Донского канала, еще одного нового промышленного гиганта – автомобильного завода, что подразумевало не снижение инвестиций

и внимания центра, в связи с разукрупнением Нижне-Волжского края и выделением Сталинградского и Саратовского краев в самостоятельные административные единицы, а их стабилизацию.

Результаты. Перевод центра Нижне-Волжского края в Сталинград в 1932 г. стал, по сути, очередной вехой административно-территориальной реформы, проводившейся в СССР с начала 1920-х гг., и для города – возможностью усиления модернизационных преобразований в условиях первой пятилетки. Многомиллионные инвестиции в жилищно-коммунальное хозяйство, крупнейшие инфраструктурные проекты, промышленное развитие региона с опорой на передовые архитектурные решения должны были превратить в кратчайшие сроки Сталинград, ставший за годы первой пятилетки крупнейшим промышленным городом Нижнего Поволжья, в административный и культурный центр региона. Перевод краевых учреждений в город, одновременный запуск десятков различных по уровню сложности проектов на определенном этапе привели к хаотизации строительного процесса, что наряду с текущими задачами хозяйственно-экономического развития, а также общими проявлениями социально-экономического кризиса 1932–1933 гг. вело к системному наращиванию бюджетных расходов и в итоге к дефициту бюджета. К моменту разукрупнения Нижне-Волжского края так и не решенной оказалась проблема жилищного дефицита, во многом обусловившая, наряду с продовольственной проблемой, перманентный дефицит рабочих кадров и инженерно-технических специалистов.

В январе 1934 г. Сталинград стал центром более компактного Сталинградского края, при этом очевидное сокращение амплитуды принимаемых решений в рамках нового краевого объединения не привело к симметричному сокращению инвестиций (на территории края развивались промышленные объекты союзного масштаба), что подразумевало не сокращение, а поддержание и возможное наращивание темпов хозяйственно-экономического развития, но уже в условиях оптимизации управленческих решений.

REFERENCES

1. *Borba: gazeta: organ Stalingradskogo gorkoma VKP(b), gorsoвета i gorprofsoвета* [Fighting: Newspaper of the Stalingrad City Committee of the CPSU(b), City Council and City Council], 1932.
2. Dokladnaya zapiska zaveduyushhego Nizhne-Volzhskim krayotdelom narodnogo obrazovaniya Makeeva v Nizhne-Volzhskiy krayispolkom. 25.10.1933 g. [Report of the Head of the Lower Volga Regional Department of Public Education Makeyev to the Lower Volga Regional Executive Committee. Oct. 25, 1933]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 39, l. 38-46.
3. Furman E.L., Lunochkin A.V., Yudina T.V. Stalingrad v konce 1920-kh – nachale 1930-kh gg.: naselenie, zhilishhno-kommunalnoe hozyaystvo, blagoustroystvo goroda [Stalingrad in the Late 1920s – Early 1930s: Population, Housing and Communal Services, City Improvement]. *Ekonomicheskaya Istoriya* [Economic History], 2020, vol. 16, no. 2, pp. 156-166. DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002.156-166
4. Janushkina Ju.V. *Arhitektura Stalingrada 1925–1961 gg. Obraz goroda v kulture i ego voploshhenie* [Architecture of Stalingrad 1925–1961. The Image of the City in Culture and Its Embodiment]. Volgograd, VolgGASU, 2014. URL: https://vgasu.ru/attachments/oi_yanushkina_01.pdf
5. Komissiya po perevodu krayevogo centra v Stalingrad v prezidium stalingradskogo gorsoвета (Grinshteynu). 23.02.1932 g. [Commission for the Transfer of the Regional Center to Stalingrad to the Presidium of the Stalingrad City Council (To Grinstein). Febr. 23, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 589, l. 10.
6. Oleynikov P.P. *Arkhiturnoe nasledie Stalingrada* [The Architectural Heritage of Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 560 p.
7. Oleynikov P.P. *Mastera arhitektury Stalingrada. Arhitekt Viktor Kochedamov* [Masters of Architecture of Stalingrad. Architect Viktor Kochedamov]. Saint Petersburg, Preserved Culture, 2022. 204 p.
8. Perepiska stalingradskogo gorsoвета s organizatsiyami po voprosu vyseleniya uchebnykh zavedeniy za predely Stalingrada. 01.04–22.05.1932 g. [Correspondence Between the Stalingrad City Council and Organizations Regarding the Relocation of Educational Institutions Outside Stalingrad. Apr. 1 – May 22, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 586, l. 23-41.
9. Pismo Stalingradskomu gubkomu Stalingradskiy gorsovet. Sekret. 26.12.1927 g. [Letter to the Stalingrad Provincial Committee of the Stalingrad City Council. Secret. December 26, 1927]. *Tsentr dokumentatsii novyeyshey istorii Volgogradskoy oblasti* (TsDNIVO) [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 1, inv. 1, d. 211, l. 294.
10. Postanovlenie VCIK RSFSR «Ob uprazhnenii Krasnoarmeyskogo rayona Nizhne-Volzhskogo kraya» ot 20.10.1931 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR “On the Abolition of the Krasnoarmeysky District of the Lower Volga Region”. Oct. 20, 1931]. *Sobranie zakonov RSFSR* (hereinafter – SZ RSFSR) [Collection of Laws of the RSFSR], 1931, dep. 1, no. 67, art. 482.
11. Postanovlenie VCIK RSFSR «O razdelenii Nizhne-Volzhskogo kraya na Saratovskiy kraj s centrom v g. Saratove i Stalingradskiy kraj (pozzhe oblasti) s centrom v g. Stalingrade» ot 10.01.1934 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR “On the Division of the Lower Volga Region into the Saratov Region with Its Center in the City of Saratov and the Stalingrad Region (Later the Region) with Its Center in the City of Stalingrad.” Jan. 10, 1934]. *SZ RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1934, dep. 1, no. 5, art. 34.
12. Postanovlenie CIK i SNK SSSR «Ob ispolzovanii shkolnykh pomeshcheniy». 07.04.1932 g. [Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the USSR “On the Use of School Premises.” Apr. 7, 1932]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1932, dep. 1, no. 25, art. 153.
13. Postanovleniya i protokoly zasedaniy byuro frakcii VKP(b) prezidiuma Nizhne-Volzhskogo krayispolkoma. 19.01–21.12.1933 g. [Resolutions and Minutes of Meetings of the Bureau of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Fraction of the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee. Jan. 19 – Dec. 21, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 32. 283 l.
14. *Povolzhskaya Pravda: gazeta Nizhne-Volzhskogo kraevogo komiteta VKP(b), krayispolkoma, kraysovproufa, Saratovskogo gorkoma VKP(b) i gorsoвета* [Povolzhskaya Pravda. Newspaper of the Lower Volga Regional Committee of the CPSU(b), Regional Executive Committee, Regional Trade Union, Saratov City Committee of the CPSU(b) and City Council], 1932–1934.
15. PP OGPU po Nizhne-Volzhskomu krayu v Nizhne-Volzhskiy kraykom VKP(b) (Ptuha), krayispolkom (Ozeryanskomu). Sekret. 13.05.1933 g. [PP of the OGPU for the Lower Volga Region to the Lower Volga Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (Ptukha), Regional Executive Committee (Ozeryansky). Secret. May 13, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 41, l. 98-99.
16. PP OGPU po Nizhne-Volzhskomu krayu vsem rukovoditelyam kraevykh uchrezhdeniy, organizatsiy i predpriyatiy. Sekret. Aprel 1932 g. [PP OGPU for the Lower Volga Region to All Heads of Regional Institutions,

Organizations and Enterprises. Secret. Apr. 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 13, l. 89-90.

17. Protokol № 33D AU 715/14 ot 10 yanvarja 1932 g. «O perevode centra Nizhnevolzhskogo kraja iz g Saratova v g Stalingrad» [Protocol No. 33D AU 715/14 of Jan. 10, 1932 “On the Transfer of the Center of the Lower Volga Region from Saratov to Stalingrad”]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 68, l. 258.

18. Protokoly zasedaniy byuro stalingradskogo gorkoma VKP(b) № 1-40. 09.01–25.12.1932 g. [Minutes of the Meetings of the Bureau of the Stalingrad City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 1-40. Jan. 9 – Dec. 25, 1932]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 100. 321 l.

19. Protokoly zasedaniy byuro stalingradskogo gorkoma VKP(b) № 41-79. 29.12.1932 g. – 20.12.1933 g. [Minutes of the Meetings of the Bureau of the Stalingrad City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 41-79. Dec. 29, 1932 – Dec. 20, 1933]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 101. 327 l.

20. Protokoly i rezolyucii I–III gorodskoy konferencii VKP(b) g. Stalingrada. 27.05.1930 g. – 21.01. 1932 g. [Protocols and Resolutions of the 1st – 3rd City Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Stalingrad. May 27, 1930 – Jan. 21, 1932]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 1. 322 l.

21. Ptichnikova G.A., Oleynikov P.P. Arhitektura konstruktivizma i postkonstruktivizma Stalingrada 1930-kh godov: doma specialistov [Architecture of Constructivism and Post-Constructivism in Stalingrad in the 1930s: Houses of Specialists]. *Academia. Arhitektura i stroitelstvo* [Academia. Architecture and Construction], 2025, vol. 1, no. 4, pp. 36-43. DOI: 10.22337/2077-9038-2025-1-36-43

22. Sarancev N.V., Rakitin A.A. *Elita RKP(b) – VKP(b) Saratovskogo regiona. 20–30-e gg. XX v.: istoriko-sociologicheskie aspekty* [Elite of the RCP(b) – VKP(b) of the Saratov Region. 1920s–1930s: Historical and Sociological Aspects]. Saratov, 2009. 236 p.

23. Spetsvodka «O nastroyeniyakh pisateley, khudozhnikov i gazetnykh rabotnikov po Nizhne-Volzhskomu krayu» po dannym SPO PP OGPU. 20.10.1932 g. [Special Report “On the Mood of Writers, Artists and Newspaper Workers in the Lower Volga Region” Based on Data from the SPO PP OGPU. Oct. 20, 1932]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 3, d. 10, l. 24-26.

24. Spetsvodki sekretno-politicheskogo otdela PP OGPU po Nizhne-Volzhskomu krayu i opersektora OGPU. 19.01–19.05.1932 g. [Special Reports of the Secret Political Department of the PP OGPU for the Lower Volga Region and the OGPU Operations Sector. Jan. 19 – May 19, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 3, d. 53. 252 l.

25. Spisok uchebnykh zavedeniy s ukazaniem zanimayemykh ploshhadi. 02.05.1932 g. [List of Educational Institutions with Indication of the Area Occupied. May 2, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 584, l. 13.

26. Spiski rabotnikov Nizhne-Volzhskogo krayispolkoma, perevodimykh v Stalingrad. 04.06–06.07.1932 g. [Lists of Employees of the Lower Volga Regional Executive Committee Transferred to Stalingrad. June 4 – July 6, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1634, l. 10.

27. V prezidium VCIK sov. sekretno Nizhne-Volzhskiy krayispolkom [To the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee, Secret, Lower Volga Regional Executive Committee. Aug. 16, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 39, l. 24-24 r.

Information About the Author

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

Информация об авторе

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>